

Русана Новикова

Без телоса

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В АНТРОПОЛОГИИ БУДУЩЕГО

Rusana Novikova

Without Telos: New Directions in the Anthropology of the Future

Русана Новикова

Мичиганский университет в Энн Арборе,
Центр европейских и евразийских исследова-
ний имени Вайзера, постдокторант; PhD
rusana@umich.edu.

Rusana Novikova

University of Michigan, Ann Arbor, Weiser Center
for Europe and Eurasia, Postdoctoral Fellow; PhD
rusana@umich.edu.

Ключевые слова: антропология будущего,
темпоральность, ориентации на будущее, пред-
восхищение, ожидание, надежда, несбывшееся
будущее

Keywords: anthropology of the future, temporality,
futural orientations, anticipation, expectation, hope,
unrealized futures

УДК: 39:316.4.051

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_366

UDC: 39:316.4.051

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_366

Статья предлагает обзор антропологии будущего — сравнительно недавнего, но быстро развивающегося направления, возникшего как ответ на дисциплинарную привязанность антропологии к прошлому и настоящему. Особое внимание уделяется тем подходам, которые рассматривают будущее как неотъемлемый элемент социального действия в настоящем — будь то через категории ожидания, воображения, предвосхищения, надежды или спекуляции. Статья также фиксирует внутренние расхождения внутри этого корпуса, в частности, между подходами, трактующими будущее преимущественно как производное структурного неравенства, и теми, которые настаивают на исследовании будущего как продуктивной силы, способной переопределять прошлое и настоящее.

The article surveys the anthropology of the future, a relatively recent but rapidly expanding field that emerged in response to anthropology's longstanding focus on the past and the present. It pays particular attention to approaches that treat the future as an integral dimension of social action in the present, whether through expectation, imagination, anticipation, hope, or speculation. The article also highlights key tensions within this body of scholarship, in particular, between approaches that view the future primarily as shaped by structural inequality and those that treat it as a productive force capable of reconfiguring both past and present.

Введение

Будущее занимает в антропологии не вполне очевидное место. В отличие от ритуала или систем родства, оно не дано исследователю как нечто наличное и наблюдаемое. Его нельзя просто описать как уже существующий социальный факт. Поэтому вопрос о будущем в антропологии с самого начала оказывается не только тематическим, но и методологическим: что именно становится предметом анализа, когда речь идет о том, чего еще нет? Один из возможных ответов состоит в том, что антропология имеет дело не с будущим как таковым, а с теми формами, в которых оно присутствует в настоящем. К примеру, наблюдению доступно то, как будущее организует повседневность, задает направление действию, распределяет надежды и страхи, формирует режимы спе-

куляции и кризиса, а также оставляет после себя материальные следы в виде несбывшихся проектов и нереализованных обещаний. Именно так постепенно и складывалась антропология будущего: не как изучение некоего самостоятельного объекта, существующего где-то впереди, а как анализ способов, с помощью которых будущее воображается, переживается, материализуется и начинает действовать в настоящем. Этот обзор прослеживает, как складывался язык описания будущего и какие исследовательские ходы сделали его самостоятельным предметом анализа.

От темпоральности к будущему

Антропология будущего возникла не на пустом месте: ей предшествовал критический пересмотр тех представлений о времени, с помощью которых она долгое время описывала и упорядочивала культурные различия. На протяжении большей части своей истории антропология связывала культуру прежде всего с традицией, ритуалом и преемственностью, тогда как будущее молчаливо отводилось сферам разума, прогресса и современных институтов. Именно эта оппозиция задавала логику этнографического описания и воспроизводила более общую временную иерархию, в рамках которой народы, становившиеся объектом антропологического знания, описывались как отставшие или еще не вполне развитые. Если будущее и попадало в поле зрения, то чаще всего как горизонт модернизации или реформ, а не как обычное измерение социальной жизни, доступное этнографическому анализу.

Отправной точкой для понимания этой проблемы остается книга Йоханнеса Фабиана «Time and the Other»¹. Фабиан показал, что антропология систематически лишала своих собеседников равенства во времени: те, кого изучал антрополог, вновь и вновь оказывались помещены в прошлое как пережитки или свидетельства более ранней исторической эпохи, хотя сама этнографическая встреча происходила внутри общего исторического настоящего. Работа Фабиана была важна прежде всего тем, что позволила увидеть во времени не нейтральный фон антропологического знания, а один из его ключевых политических и эпистемологических инструментов. Антропология не просто описывала временное различие, а сама его производила.

Существенный поворот в этом направлении обозначила обзорная статья Нэнси Манн, которая предложила иначе поставить сам вопрос о времени². Манн выступила против попыток свести темпоральность к календарям, системам отсчета времени или к жесткому противопоставлению циклического и линейного времени. Вместо этого она предложила рассматривать время как процесс темпорализации — как нечто, постоянно воспроизводящееся в практике, в действии, в осмысленной координации людей, вещей и пространства. При таком подходе акторы не просто «находятся» во времени, а сами создают социокультурное время в ходе собственных проектов за счет использования ритмизации, последовательности, памяти, предвосхищения, а также с помощью стратегической и политической организации повседневности. Манн также указала на то, что будущее

1 Fabian J. *Time and the Other*. New York: Columbia University Press, 1983.

2 Munn N. *The Cultural Anthropology of Time: A Critical Essay* // *Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21. P. 93–123.

было вытеснено из связки «прошлое — настоящее — будущее» из-за сосредоточенности антропологии на историко-мифическом времени. Своим обзором Манн вернула будущее в ткань повседневной жизни и открыла путь для последующих исследований, в которых оно становится полноправным предметом анализа.

В том же 1992 году Альфред Гелл в книге «*The Anthropology of Time*»³ пошел к этим вопросам с другой стороны. Его задачей было лишить время того ореола загадочности, который долго сопровождал антропологические исследования темпоральности. Отвергая идею множества несоизмеримых культурных «времен», Гелл настаивал на различии между временем как единой рамкой и разнообразными социальными, ритуальными, психологическими и практическими процессами, которые в ней разворачиваются. Тем самым он поставил под сомнение представление о том, будто не-западные общества обитают в принципиально иных временных мирах, и перенес внимание исследователей к когнитивным и практическим условиям, в которых люди координируют свою жизнь во времени.

Наконец, Кэрл Гринхаус в книге «*A Moment's Notice*»⁴ выдвинула тезис о том, что время — это не просто культурная схема, а поле конкурирующих представлений о действии и агентности, тесно связанных с тем, как современные национальные государства утверждают свою легитимность. При таком подходе на первый план выходят уже не абстрактные противопоставления линейного и циклического времени, а институциональные условия, при которых одни темпоральные режимы начинают восприниматься как естественные и авторитетные, а другие — как вторичные или отклоняющиеся от нормы.

Будущее как самостоятельный объект антропологии

К 1990-м и особенно к 2000-м годам эта критика подготовила более радикальный вывод: будущее можно рассматривать не только как горизонт модернизации или культурных представлений о грядущем, но и как самостоятельный предмет этнографического исследования. Антропологов стало меньше занимать то, какие представления о будущем существуют в той или иной социальной группе, будь то пророчества, сновидения, планы развития или утопические ожидания, а больше то, как эти представления действуют в настоящем. Иными словами, внимание сместилось к тому, как воображаемое, ожидаемое или желаемое будущее включается в повседневную жизнь, организует социальные и экономические практики, задает ценность материальным объектам и направляет или оправдывает вмешательство в действия людей.

Именно этой теоретической установке следует сборник «*Contemporary Futures*»⁵ под редакцией Сандры Уоллман. Во введении Уоллман показала, что представления о будущем имеют вполне материальные и политические послед-

3 Gell A. *The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images*. Oxford: Berg, 1992.

4 Greenhouse C.J. *A Moment's Notice: Time Politics across Cultures*. Ithaca: Cornell University Press, 1996.

5 Wallman S. *Contemporary Futures: Perspectives from Social Anthropology*. London: Routledge, 1992.

ствия: они влияют и на управление ресурсами, и на практики здравоохранения, и на личную идентичность, и на формы коллективной преемственности. При этом она подчеркнула, что господствующее евро-американское понимание будущего, основанное на линейной и дискретной модели времени, не является универсальным, а восходит к конкретной исторической традиции. Таким образом, сборник наметил контуры сравнительной антропологии будущего, способной проследить, как разные общества воображают и практически осваивают то, что еще не наступило. Герард Персон и Дини ван Эст⁶, со своей стороны, отметили, что антропология долго обращалась к будущему лишь косвенно, хотя в истории дисциплины можно проследить устойчивый интерес к так называемому «скрытому будущему»⁷. Одновременно с этим они оспорили представление о том, что будущее — это сфера экспертного знания, институтов развития и политико-административного планирования. В их трактовке будущее — отнюдь не отвлеченная категория и не внешняя по отношению к повседневности область, а одно из ее базовых измерений, благодаря которой люди оценивают обстоятельства и ориентируются в неопределенности настоящего.

По мнению Питера Пелса⁸, антропология долгое время обходила будущее стороной вследствие того, что она опиралась на «примитивные классификации времени», возникшие в эпоху модерна, где традиционное противопоставляется современному и будущее оказывается привилегией последнего. В своей работе Пелс развивает аргумент Фабиана: проблема заключается не только в том, что антропология отрицает равенство во времени между субъектом и объектом антропологического знания, но и в том, что дисциплина недостаточно отрефлексовала собственную обращенность в будущее. Следовательно, изучать будущее антропологически можно, лишь отказавшись от представления о том, что будущее всегда едино, линейно и по определению принадлежит современности. Взамен Пелс предлагает говорить о разных режимах будущего, уже действующих в настоящем, и различает, в частности, «открытое» будущее, связанное с политикой и идеей прогресса, «пустое» будущее, связанное с абстракцией и капитализмом, и будущее в модусе «еще-не»⁹, складывающееся вокруг кризиса, риска или ожидания апокалипсиса.

В более поздних работах внимание исследователей стали занимать уже не столько масштабные исторические формы будущего, сколько то, как оно переживается и осмысливается в конкретных повседневных ситуациях. Ребекка Брайант и Дэниел Найт¹⁰ предложили для этого понятие «ориентаций на будущее», таких как предвосхищение, ожидание, спекуляция, надежда, судьба и потенциальность. Для них важно уловить различные способы жить в отношении к блоховскому «еще-не»¹¹, укорененные в материальных и аффективных ритмах повседневной жизни.

6 Persoon G.A., van Est D.M.E. The Study of the Future in Anthropology in Relation to the Sustainability Debate // Focaal. 2000. № 35. P. 7–29.

7 Persoon G.A., van Est D.M.E. Op. cit. P. 11.

8 Pels P. Modern Times: Seven Steps toward an Anthropology of the Future // Current Anthropology. 2015. Vol. 56. № 6. P. 779–796.

9 Pels P. Op. cit. P. 784–788.

10 Bryant R., Knight D.M. The Anthropology of the Future. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

11 Bloch E. The Principle of Hope / Trans. by N. Plaice, S. Plaice, and P. Knight. Cambridge: MIT Press, 1986.

Предвосхищение и ожидание

Как только будущее перестает мыслиться как нечто единое, на первый план выходит другой вопрос: как разные ориентации на будущее организуют настоящее, в частности наше восприятие, действие и повседневный опыт. Особенно актуальны здесь предвосхищение и ожидание, потому что они позволяют различить два типа отношения к обозримому будущему. В первом случае оно переживается как нечто близкое и неотложное, во втором — как отдаленное, непрерывное и подчиненное обычному течению жизни.

У Брайант и Найта предвосхищение — более напряженная и действенная ориентация на будущее. Предвосхищение как бы сжимает настоящее, стягивает будущее и настоящее в одно пространство действия и побуждает действовать без промедления. Это происходит, когда человек не просто ждет дождя, а чувствует его в воздухе и начинает вести себя так, как будто он уже начинается. На коллективном уровне предвосхищение возникает в условиях опасности, конфликта или бедствия, когда будущее переживается как порог, а настоящее приобретает лиминальный характер. Важнее всего здесь, пожалуй, то, что Брайант и Найт понимают предвосхищение не как индивидуальную психологическую реакцию, а как социально организованную временную установку. Она выражается в том, что они называют «локальными временными мирами» (*vernacular timespaces*)¹² — временем войны, кризиса, мира, голода, — где будущее не просто маячит впереди, а вторгается в настоящее и требует коллективного ответа.

Эта логика особенно отчетливо проявляется в работах, посвященных ожиданию насилия и жизни в условиях затяжного конфликта. Сами Хермез¹³ на ливанском материале показывает, как предвосхищение становится устойчивой формой повседневной ориентации. Война у него предстает как «отсутствующее присутствие»¹⁴: она может не происходить здесь и сейчас, но продолжает пронозировать обыденные встречи, разговоры, воспоминания и планы на будущее. У Вивиан Чой акцент иной: ее интересует, как предвосхищение становится инструментом управления¹⁵. Она показывает, как в Шри-Ланке предвосхищение превращает бедствие и террор в постоянно надвигающуюся угрозу и тем самым служит оправданием для наращивания готовности к чрезвычайным ситуациям, усиления контроля и национального строительства. Прадип Джеганатан формулирует это еще резче: для него решающее значение имеет не сама насильственная развязка, а ожидание возможного насилия¹⁶. Именно оно подрывает модерное представление о рационально упорядоченном мире и формирует у тамиллов на юге Шри-Ланки особый набор «тактик предвосхищения» — способов жить и действовать в тени потенциальной угрозы¹⁷.

12 Bryant R., Knight D.M. Op. cit. P. 32.

13 Hermez S. The War Is Going to Ignite: On the Anticipation of Violence in Lebanon // POLAR: Political and Legal Anthropology Review. 2012. Vol. 35. № 2. P. 327–344.

14 Hermez S. Op. cit. P. 330.

15 Choi V.Y. Anticipatory States: Tsunami, War, and Insecurity in Sri Lanka // Cultural Anthropology. 2015. Vol. 30. № 2. P. 286–309.

16 Jeganathan P. On the Anticipation of Violence: Modernity and Identity in Southern Sri Lanka // Anthropology, Development and Modernities: Exploring Discourses, Counter-Tendencies and Violence / Ed. by A. Arce and N. Long. London: Routledge, 2000. P. 111–126.

17 Jeganathan P. Op. cit. P. 117.

Если предвосхищение связано с будущим, переживаемым как нечто уже почти наступившее, то ожидание у Брайант и Найта устроено иначе. Это более сдержанный и размеренный способ ориентации на будущее, который сохраняет с ним дистанцию и придает настоящему плотность, опираясь на прошлый опыт. Вслед за Рейнхартом Козеллеком¹⁸ и Полем Рикёром¹⁹ они предлагают мыслить ожидание как горизонт: он различим, задает направление и во многом структурирует историческое время, но при этом никогда не бывает достигнут окончательно. В отличие от предвосхищения, ожидание не втягивает будущее в настоящее с той же степенью срочности. Скорее, оно удерживает будущее как будущее — открытое, удаленное, с элементом непредсказуемости.

В более ранней работе Джеймса Фергюсона²⁰ это понятие получило отчетливо историческое и политическое измерение: в меденосном поясе Замбии ожидание было не просто личной надеждой, а социально сформированным горизонтом притязаний, поэтому экономический упадок переживался там как крушение будущего, которое казалось законным и заслуженным. Сходный сюжет Стеф Янсен²¹ прослеживает на материале послевоенного Сараева: люди продолжают рассчитывать на «нормальную жизнь» и на линейное движение вперед, даже когда собственный опыт они описывают как топтание на месте. Расширяя этот аргумент, Тобиас Келли²² настаивает на том, что повседневность неотделима от ожидания: во время второй интифады обыденность сохранялась лишь постольку, поскольку оставалась надежда, что жизнь когда-нибудь снова войдет в нормальное русло. Наконец, у Джули Питит²³ ожидание предстает в его наиболее изнурительной форме: система контрольно-пропускных пунктов в Палестине приводит к бесконечному ожиданию, поскольку передвижение, доступ к ресурсам и ритм повседневной жизни оказываются под жестким контролем. Будущее здесь существует уже не как уверенность в завтрашнем дне, а как испытание на выносливость в условиях навязанной неопределенности.

Надежда, возможность, стремление

После работ о предвосхищении и ожидании насилия важно обратиться к другой линии в антропологии будущего — исследованиям надежды, возможности и стремления. Здесь будущее предстает как открытый, хотя часто неопределенный и труднодостижимый горизонт. Эти работы показывают, как люди сохраняют связь с грядущим в условиях бедности, неравенства, политической неопределенности или стесненных жизненных обстоятельств. Ниже речь пой-

-
- 18 Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time* / Trans. by K. Tribe. Cambridge: MIT Press, 1985.
 - 19 Ricoeur P. *Time and Narrative*. Vol. 3 / Trans. by K. Blamey and D. Pellauer. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
 - 20 Ferguson J. *Expectations of Modernity: Myths and Meanings of Urban Life on the Zambian Copperbelt*. Berkeley: University of California Press, 1999.
 - 21 Jansen S. On Not Moving Well Enough: Temporal Reasoning in Sarajevo Yearnings for Normal Lives // *Current Anthropology*. 2014. Vol. 55. № S9. P. S74–S84.
 - 22 Kelly T. The Attractions of Accountancy: Living an Ordinary Life During the Second Palestinian Intifada // *Ethnography*. 2008. Vol. 9. № 3. P. 351–376.
 - 23 Peteet J. Closure's Temporality: The Cultural Politics of Time and Waiting // *South Atlantic Quarterly*. 2018. Vol. 117. № 1. P. 43–64.

дет о надежде как способе удерживать связь с будущим, о возможности как горизонте воображения и о стремлении как неравномерно распределенной способности двигаться вперед.

В центре внимания Хироказу Миядзаки²⁴ — надежда как одно из условий для познания и действия. На материале многолетних требований коренных жителей Сувавоу²⁵ о возвращении утраченной земли он показывает, что надежда позволяет удерживать их знание о себе и своей истории в движении даже тогда, когда государство снова и снова отклоняет их требования или переводит их в режим уже рассмотренного дела. Миядзаки понимает под надеждой особый метод: это не просто ожидание благоприятного исхода, а способ удерживать земельный вопрос открытым, не позволяя ему превратиться в архивный сюжет о прошлом. Именно поэтому для него важен Блох с его «еще-не»: надежда сохраняет связь с будущим, в котором истина о земле и правах сувавоу еще может получить публичное признание. Эту же логику Миядзаки старается перенести в само антропологическое письмо: его интересует форма текста, способная сохранить внутренний импульс надежды, ее устремленность вперед и незавершенность.

Винсент Крапанцано, напротив, пишет не столько о надежде в узком смысле слова, сколько о более широкой проблеме возможности. В книге «Imaginative Horizons»²⁶ он размышляет о том, что опыт никогда не замыкается в непосредственности настоящего: его неизменно сопровождают воображаемые горизонты, через которые и складывается восприятие мира. Реальное и воображаемое находятся в диалектических отношениях: реальность упирается в границы воображаемого, расширяя их, тогда как воображаемое направляет восприятие, толкование и действие в реальности. Горизонты воображаемого обладают силой именно потому, что они нестабильны: стоит только слишком четко назвать или описать то, что находится впереди, как оно перестает быть горизонтом и превращается в новую форму завершенной реальности. Из этого Крапанцано делает более общий вывод: человеческая жизнь разворачивается в непрерывном напряжении между открытостью и закрытостью, а реальность формируется не только тем, что уже дано, но и теми ускользающими возможностями, которые нельзя окончательно зафиксировать или подчинить себе.

Арджун Аппадурай²⁷ переводит эту дискуссию в иную плоскость — от феноменологии возможности к проблеме политического неравенства. Если для Крапанцано имеет значение то, что человеческую жизнь структурируют горизонты возможного, то Аппадурай задается вопросом, кто на деле способен эти замыслы воплотить в реальность. Согласно Аппадурею, культура организует отношение людей к будущему не меньше, чем к прошлому. Его главный тезис состоит в том, что будущее следует понимать как культурный факт, возникающий на пересечении воображения, стремления и предвосхищения. Стремление он трактует как культурно опосредованную и неравномерно распределенную способность к действию, зависящую от доступа к финансовым, властным и со-

24 Miyazaki H. The Method of Hope: Anthropology, Philosophy and Fijian Knowledge. Stanford: Stanford University Press, 2004.

25 Сувавоу — историческая деревня коренных жителей Фиджи, ныне расположенная в черте города Сувы.

26 Crapanzano V. Imaginative Horizons: An Essay in Literary-Philosophical Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

27 Appadurai A. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. London: Verso, 2013.

циальным ресурсам. В этой концепции возможность — политическое поле, где одни гораздо лучше других способны представить себе путь вперед и начать по нему двигаться. Отсюда и практический вывод: если укрепить культурно-обусловленную способность бедных слоев населения воображать и осваивать будущее, то это не только повысит эффективность проектов развития, но и даст этим группам инструменты для борьбы с собственной маргинализацией.

Риск, спекуляция, кризис и будущее как обещание

На ином аналитическом уровне антропологи показали, что будущее существует не только как аффективно переживаемый опыт, но и как объект политико-экономического управления. Здесь оно предстает уже пространством риска, спекуляции, обещанной ценности и кризиса.

Ключевым текстом в этой дискуссии остается статья Джейн Гайер, которая сместила внимание с желания, устремленного в будущее, на то, как в условиях позднего капитализма меняется сама временная структура социального опыта²⁸. По мысли Гайер, в современном публичном дискурсе обозримое будущее утратило свои очертания, а на его месте возник разрыв между неотложными требованиями настоящего и отдаленными, нередко сугубо декларативными горизонтами вроде долгосрочного экономического роста. Особенно наглядно это проявляется в макроэкономическом мышлении: монетаристские модели сосредоточены на длительной перспективе, тогда как промежуточный временной срез — пространство практического рассуждения, коллективного планирования и осмысленного действия — постепенно выпадает из поля зрения. Тем не менее, настаивает Гайер, обозримое будущее не исчезает совсем. Оно возвращается в повседневность в виде долгов, дедлайнов, проверок и других точечных требований, которые заново организуют социальную жизнь. Тем самым Гайер показывает, что при неолиберализме будущее не просто сжимается или укорачивается, а перестраивается заново: новые доктрины и технологии вытесняют среднесрочный временной горизонт и подчиняют повседневность иным режимам неопределенности.

Наглядное представление об этой трансформации дают работы Лоры Бэр и Александры Уруссофф, которые с разных эмпирических позиций показывают, как неопределенное будущее воображается и регулируется в эпоху спекулятивного капитализма. Бэр²⁹ пишет, что капиталистическая практика строится на спекуляции, обращенной в будущее, — особой технологии воображения, с помощью которой участники пытаются распознать и обратить в дело как видимые, так и скрытые источники производительной силы. Во введении к сборнику «*Speculation: Futures and Capitalism in India*»³⁰ этот тезис получает более

28 Guyer J. Prophecy and the Near Future: Thoughts on Macroeconomic, Evangelical, and Punctuated Time // *American Ethnologist*. 2007. Vol. 34. № 3. P. 409–421.

29 Bear L. Capitalist Divination: Popularist Speculators and Technologies of Imagination on the Hooghly River // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2015. Vol. 35. № 3. P. 408–423.

30 Bear L., Birla R., Puri S.S. Speculation: Futures and Capitalism in India // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2015. Vol. 35. № 3. P. 387–391.

широкое развитие: спекуляция предстает здесь как способ материализации неопределенного будущего в самых разных сферах — от финансов и недвижимости до азартных игр и государственно-частных партнерств. В более поздней статье Бэр³¹ описывает спекуляцию уже как рассредоточенную форму аффективного, телесного и интеллектуального труда, которая позволяет накапливать капитал и воспроизводить неравенство. Уруссофф³², в свою очередь, обращаясь к миру Уолл-стрит и кредитных рейтингов, показывает, как растущая власть рейтингов, моделей и ожиданий инвесторов перестроила корпоративную жизнь, подчинив ее постоянной работе по созданию образа надежности и предсказуемости.

Майк Фортун и Гиза Вешкальнис выводят разговор о спекулятивном будущем за пределы финансовой отрасли, показывая, как само обещание превращается в механизм производства ценности в сфере технауки и добывающей промышленности. В книге «Promising Genomics»³³ Фортун показывает, что геномика 1990-х строилась вокруг прогнозов, ажиотажа и спекулятивных утверждений о грядущих биомедицинских прорывах. Именно так научные исследования, венчурный капитал и национальные проекты оказывались привязаны к неопределенному будущему, которому уже в настоящем можно было придать рыночную ценность и сделать предметом сделки. Вешкальнис³⁴ описывает сходный механизм в добывающей отрасли. На материале из Сан-Томе и Принсипи она показывает, как длительное ожидание «первой нефти» поддерживало представление о нефти как о будущем ресурсе: контракты, сейсморазведка, изыскания и пробные скважины закрепляли за нефтью этот статус, не гарантируя, однако, что это обещание когда-либо осуществится.

Если Фортун и Вешкальнис пишут о том, как спекулятивное обещание заранее превращает неопределенное будущее в ценность, то следующий блок литературы задается уже другим вопросом: что происходит, когда будущее начинает осмысляться в терминах кризиса, то есть когда ожидание сбоя или краха становится главным способом оценивать настоящее. В центре внимания Джанет Ройтман³⁵ оказывается само понятие кризиса и те нарративные схемы, в которых оно приобретает смысл. Для нее кризис — категория, с помощью которой выносятся суждения о настоящем как о моменте истины, отклонения или провала по отношению к подразумеваемой норме. Сусана Нарочки и Нико Бенъе³⁶, напротив, предлагают смотреть на кризис не как на диагноз, а как на проблему, с которой люди сталкиваются в повседневной практике социального воспроизводства. Их интересует, как слом ожиданий изменяет ценностные ориентиры и представления о моральном долге и о тех повседневных усилиях, благодаря которым жизнь остается возможной и осмысленной. Особенно

31 Bear L. Speculation: A Political Economy of Technologies of Imagination // *Economy and Society*. 2020. Vol. 49. № 1. P. 1–15.

32 Ouroussoff A. Wall Street at War: The Secret Struggle for the Global Economy. Cambridge: Polity, 2010.

33 Fortun M. Promising Genomics: Iceland and deCODE Genetics in a World of Speculation. Berkeley: University of California Press, 2008.

34 Weszkalnys G. Geology, Potentiality, Speculation: On the Indeterminacy of First Oil // *Cultural Anthropology*. 2015. Vol. 30. № 4. P. 611–639.

35 Roitman J. Anti-Crisis. Durham: Duke University Press, 2014.

36 Narotzky S., Besnier N. Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy // *Current Anthropology*. 2014. Vol. 55. № S9. P. S4–S16.

важным это оказывается для тех, кто пытается обеспечить средства к существованию не только для себя, но и для последующих поколений. Джерри Зи³⁷, наконец, рассматривает эти вопросы в контексте экологии. Он анализирует кризис как затяжное хронополитическое состояние, в котором экологические процессы и управленческие практики переплетены во времени. На материале Северного Китая он показывает, как опустынивание вынуждает государственных чиновников, инженеров и экологов действовать в режиме постоянного сдерживания, призванного не допустить наступления катастрофы.

Обломки несбывшегося будущего

В тени этой литературы нередко остается один важный вопрос: что происходит с будущим, которое так и не наступило, но продолжает материально определять настоящее. Именно этим ценна работа Томаса Ярроу³⁸, где он показывает, как несостоявшееся будущее закрепляется в материальности — в разрушающихся, недостроенных или оказавшихся в подвешенном состоянии объектах. Его главный ход состоит в том, чтобы переопределить то, как мы понимаем процесс руинирования. Руины, по Ярроу, это материальные свидетельства того, что должно было возникнуть, но так и не было доведено до конца. В поселках переселенцев на Вольте в Гане это видно не только по брошенным домам и ветшающей инфраструктуре, но и по осязательному отсутствию того, что обещали, но не сделали: дороги, водопровода, электричества, аэропорта. Местные жители воспринимают это не просто как руины прошлого, а как обломки несбывшегося будущего, которое по-прежнему организует восприятие настоящего. Поэтому, согласно Ярроу, руины обращены в обе стороны временного вектора: и вперед к будущему, и назад к прошлому.

В отличие от работ, связывающих исследование руин с критикой модерности³⁹, Ярроу обращает внимание на то, что руины могут свидетельствовать о сохраняющемся стремлении к ней. В интеллектуальной традиции, идущей от Вальтера Беньямина⁴⁰, руины понимают как нечто, обнажающее несостоятельность модернистских представлений о порядке, прогрессе и целостности. Ярроу не спорит с тем, что модернность внутренне нестабильна, но при этом показывает: такой подход оставляет в стороне опыт людей, для которых модернность остается недостижимым и потому по-прежнему желанным горизонтом, — они остро переживают ее нехватку и продолжают ожидать обещанное. Их носталь-

37 Zee J.C. Holding Patterns: Sand and Political Time at China's Desert Shores // *Cultural Anthropology*. 2017. Vol. 32. № 2. P. 215–241.

38 Yarrow T. Remains of the Future: Rethinking the Space and Time of Ruination through the Volta Resettlement Project, Ghana // *Cultural Anthropology*. 2017. Vol. 32. № 4. P. 566–591.

39 Dawdy S.L. Clockpunk Anthropology and the Ruins of Modernity // *Current Anthropology*. 2010. Vol. 51. № 6. P. 761–793; Edensor T. The Ghosts of Industrial Ruins: Ordering and Disordering Memory in Excessive Space // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2005. Vol. 23. № 6. P. 829–849; Gordillo G.R. Rubble: The Afterlife of Destruction. Durham: Duke University Press, 2014; Stoler A.L. Imperial Debris: Reflections on Ruins and Ruination // *Cultural Anthropology*. 2008. Vol. 23. № 2. P. 191–219.

40 Benjamin W. The Arcades Project / Trans. by H. Eiland and K. McLaughlin. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1999.

гия обращена не к утраченному миру до модерности и не является следствием разочарования в самой идее исторического прогресса⁴¹. Напротив, ощущение недоразвитости заставляет их воспринимать настоящее как застывшее, словно сбившееся с своего хода, и подпитывает привязанность к тому времени, когда модернизация все еще обещала более открытое и обнадеживающее будущее⁴².

Сходную проблематику, но на ином этнографическом материале, разрабатывает Хлоя Аман в книге «Futures After Progress»⁴³. Ее исследование развивается в Кёртис-Бэй — токсичном, деиндустриализованном районе Балтимора, где прежние обещания не просто рухнули, но и оставили после себя пустующие производства, болезни, загрязнение и ощущение жизни «после прогресса». Однако Аман важно показать, что и здесь будущее не исчезает окончательно. Оно предстает в образе надежды с долей сомнения, как жизнь в сослагательном наклонении. Люди продолжают стремиться к желаемому будущему — будь то ностальгические мечты о возрождении района или борьба молодежных экологических активистов за более справедливое будущее, — несмотря на то, что ни у кого уже нет уверенности в том, что история движется в правильном направлении. Таким образом, у Аман несбывшееся будущее сохраняется в грамматике жизни после краха прежних ожиданий — в том, как люди продолжают надеяться, действовать и спорить о том, какое будущее все еще возможно.

Заключение

Если рассматривать исследования будущего в антропологии в целом, становится ясно, что они сложились не как единое и внутренне согласованное направление, а как пересечение нескольких дискуссий, между которыми сохраняются важные неразрешенные противоречия. Одни авторы описывают будущее прежде всего как форму переживания — через надежду, предвосхищение, ожидание, стремление. Других интересует, каким образом оно задается извне: инфраструктурой, рынками, государственными проектами, режимами кризиса и управления. Не менее существенен и другой вопрос: следует ли говорить о будущем в единственном числе или, скорее, о множестве сосуществующих форм будущего, различающихся в зависимости от масштаба, распределения власти и исторического контекста. Наконец, можно отметить расхождение в понимании будущего между работами, делающими акцент на угрозе, кризисе и эпохальном сломе, и исследованиями, подчеркивающими наложение временных пластов, несовпадение ритмов и длительное сосуществование разных временных режимов.

Как следует из обзора, антропология будущего уже выработала тонкий язык для описания того, как люди воображают, переживают и политически осваивают будущее. Благодаря этим работам стало ясно, что будущее не едино,

41 Berman M. All That Is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity. London: Verso, 2010; Boym S. The Future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2001.

42 Berdahl D. «(N)Ostalgie» for the Present: Memory, Longing, and East German Things // Ethnos. 1999. Vol. 64. № 2. P. 192–211; Boyer D. Ostalgie and the Politics of the Future in Eastern Germany // Public Culture. 2006. Vol. 18. № 2. P. 361–381.

43 Ahmann C. Futures after Progress: Hope and Doubt in Late Industrial Baltimore. Chicago: University of Chicago Press, 2024.

не нейтрально и не одинаково доступно всем. При всей продуктивности этого поля одна проблема разработана в нем заметно слабее. Речь идет об исследовании случаев, когда будущее не сбывается, но его следы продолжают существовать в материальности — в ландшафте, инфраструктуре, токсичной среде, недостроенных объектах, руинах. Поэтому одной из важных задач остается анализ не только будущего как горизонта ожидания, но и будущего как материально длящегося последствия.

Библиография / References

- Ahmann C.* Futures after Progress: Hope and Doubt in Late Industrial Baltimore. Chicago: University of Chicago Press, 2024.
- Appadurai A.* The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. London: Verso, 2013.
- Bear L.* Capitalist Divination: Popularist Speculators and Technologies of Imagination on the Hooghly River // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2015. Vol. 35. № 3. P. 408–423.
- Bear L., Birla R., Puri S.S.* Speculation: Futures and Capitalism in India // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. 2015. Vol. 35. № 3. P. 387–391.
- Bear L.* Speculation: A Political Economy of Technologies of Imagination // *Economy and Society*. 2020. Vol. 49. № 1. P. 1–15.
- Benjamin W.* The Arcades Project / Trans. by H. Eiland and K. McLaughlin. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1999.
- Berdahl D.* «(N)Ostalgie» for the Present: Memory, Longing, and East German Things // *Ethnos*. 1999. Vol. 64. № 2. P. 192–211.
- Berman M.* All That Is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity. London: Verso, 2010.
- Bloch E.* The Principle of Hope / Trans. by N. Plaiice, S. Plaiice, and P. Knight. Cambridge: MIT Press, 1986.
- Boyer D.* Ostalgie and the Politics of the Future in Eastern Germany // *Public Culture*. 2006. Vol. 18. № 2. P. 361–381.
- Boym S.* The Future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2001.
- Bryant R., Knight D.M.* The Anthropology of the Future. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Choi V.Y.* Anticipatory States: Tsunami, War, and Insecurity in Sri Lanka // *Cultural Anthropology*. 2015. Vol. 30. № 2. P. 286–309.
- Crapanzano V.* Imaginative Horizons: An Essay in Literary-Philosophical Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 2004.
- Dawdy S.L.* Clockpunk Anthropology and the Ruins of Modernity // *Current Anthropology*. 2010. Vol. 51. № 6. P. 761–793.
- Edensor T.* The Ghosts of Industrial Ruins: Ordering and Disordering Memory in Excessive Space // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2005. Vol. 23. № 6. P. 829–849.
- Fabian J.* Time and the Other. New York: Columbia University Press, 1983.
- Ferguson J.* Expectations of Modernity: Myths and Meanings of Urban Life on the Zambian Copperbelt. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Fortun M.* Promising Genomics: Iceland and deCODE Genetics in a World of Speculation. Berkeley: University of California Press, 2008.
- Gell A.* The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images. Oxford: Berg, 1992.
- Gordillo G.R.* Rubble: The Afterlife of Destruction. Durham: Duke University Press, 2014.
- Greenhouse C.J.* A Moment's Notice: Time Politics across Cultures. Ithaca: Cornell University Press, 1996.
- Guyer J.* Prophecy and the Near Future: Thoughts on Macroeconomic, Evangelical, and Punctuated Time // *American Ethnologist*. 2007. Vol. 34. № 3. P. 409–421.
- Hermez S.* The War Is Going to Ignite: On the Anticipation of Violence in Lebanon // *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*. 2012. Vol. 35. № 2. P. 327–344.
- Jansen S.* On Not Moving Well Enough: Temporal Reasoning in Sarajevo Yearnings for Normal Lives // *Current Anthropology*. 2014. Vol. 55. № S9. P. S74–S84.
- Jeganathan P.* On the Anticipation of Violence: Modernity and Identity in Southern Sri Lanka // *Anthropology, Development and Modernities: Exploring Discourses, Counter-Tendencies and Violence* / Ed. by A. Arce and N. Long. London: Routledge, 2000. P. 111–126.

- Kelly T.* The Attractions of Accountancy: Living an Ordinary Life During the Second Palestinian Intifada // *Ethnography*. 2008. Vol. 9. № 3. P. 351–376.
- Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time / Trans. by K. Tribe. Cambridge: MIT Press, 1985.
- Miyazaki H.* The Method of Hope: Anthropology, Philosophy and Fijian Knowledge. Stanford: Stanford University Press, 2004.
- Munn N.* The Cultural Anthropology of Time: A Critical Essay // *Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21. P. 93–123.
- Narotzky S., Besnier N.* Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy // *Current Anthropology*. 2014. Vol. 55. № S9. P. S4–S16.
- Ouroussoff A.* Wall Street at War: The Secret Struggle for the Global Economy. Cambridge: Polity, 2010.
- Pels P.* Modern Times: Seven Steps toward an Anthropology of the Future // *Current Anthropology*. 2015. Vol. 56. № 6. P. 779–796.
- Persoon G.A., van Est D.M.E.* The Study of the Future in Anthropology in Relation to the Sustainability Debate // *Focaal*. 2000. № 35. P. 7–29.
- Peteet J.* Closure's Temporality: The Cultural Politics of Time and Waiting // *South Atlantic Quarterly*. 2018. Vol. 117. № 1. P. 43–64.
- Ricoeur P.* Time and Narrative. Vol. 3. / Trans. by K. Blamey and D. Pellauer. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Roitman J.* Anti-Crisis. Durham: Duke University Press, 2014.
- Stoler A.L.* Imperial Debris: Reflections on Ruins and Ruination // *Cultural Anthropology*. 2008. Vol. 23. № 2. P. 191–219.
- Wallman S.* Contemporary Futures: Perspectives from Social Anthropology. London: Routledge, 1992.
- Weszkalnys G.* Geology, Potentiality, Speculation: On the Indeterminacy of First Oil // *Cultural Anthropology*. 2015. Vol. 30. № 4. P. 611–639.
- Yarrow T.* Remains of the Future: Rethinking the Space and Time of Ruination through the Volta Resettlement Project, Ghana // *Cultural Anthropology*. 2017. Vol. 32. № 4. P. 566–591.
- Zee J.C.* Holding Patterns: Sand and Political Time at China's Desert Shores // *Cultural Anthropology*. 2017. Vol. 32. № 2. P. 215–241.